

аристотелизму. И если он не делает из этого утверждения вывод, что отрицание провидения истинно для разума и ложно для веры, то, по крайней мере, допускает, что провидение непознаваемо для разума и истинно для веры.

Аналогичным сочетанием влияний можно объяснить и позицию Дунса Скота относительно бессмертия души. Он не считал, что оно доказано Аристотелем, и вообще не считал, что оно может быть доказано философски, только средствами разума. Точно неизвестно, что думал по этому поводу Аристотель, а в рассуждениях философов о бессмертии души больше вероятностных аргументов, чем строгих доказательств. На самом деле бессмертие души невозможно доказать ни «априори», ни «апостериори». Его невозможно доказать «априори», так как нельзя найти доводы естественного разума в пользу того, что разумная душа является формой, существующей самостоятельно и способной существовать вне тела; убеждает нас в этом только вера. Бессмертие души невозможно доказать «апостериори», так как если объявить, что в будущей жизни душу ожидают награды либо наказания, то нужно предположить доказанным или доказательным существование Высшего судьи, а в этом нас также убеждает только вера. Кроме того, часто забывают, что каждый грех сам по себе есть наказание. А рассуждать в связи с этим о нашем естественном желании воскресения и бессмертия — значит совершать логическую ошибку, потому что нельзя испыты-

457

1. Дуне Скот и реалисты XIVвека

вать естественного желания вещи, о которой неизвестно даже, возможна ли она. Человек боится смерти, но животные тоже ее боятся. Все соображения подобного рода ничего не стоят, и если можно считать бессмертие души вероятным выводом, то нельзя найти доказательных оснований, которые сделали бы его необходимым заключением: «*pop video aliquam rationem demonstrativam necessario concludentem propositum*»*.

Таким образом, целый ряд положений, которые до тех пор выдвигала философия, оказался погруженным в теологию, а традиционный характер последней вследствие этого несколько изменился. Поскольку она стала прибежищем всего того, что не допускает строгого доказательства, и всего того, что не является объектом науки, то сама теология превратилась в науку в очень специфическом смысле этого слова. Это не умозрительная, а практическая наука, задача которой заключается не столько в том, чтобы дать нам знание об определенных предметах, сколько в том, чтобы упорядочить наши действия с целью достижения блаженства, на которое мы надеемся из-за веры в божественные обетования. Теперь Откровение более радикальным образом отграничивает теологию от разума. Давая нам весьма туманное знание о том, что для нас приоткрыто, Откровение приобрело функцию объекта (*supplet vicem objecti*); оно становится на место этого не постижимого для нас объекта, потому что естественный разум неспособен дать достаточное знание о нашей подлинной цели. Но даже если бы естественный разум мог доказать, что целью человека являются созерцание Бога и его любовь, он не мог бы доказать, что это созерцание должно быть вечным и что целью целостного, с телом и душой, человека должен быть Бог. Итак, философия и теология здесь заходят вместе гораздо менее далеко, чем это было у св. Фомы. Бог не открыл ничего доказываемого разумом, и ничто, открытое Им, недоказуемо, если, разумеется, не исходить из Откровения. Если же исходить из него, то дл

указанных явлений можно найти достаточные основания, как считали в свое время св. Ансельм и Рихард Сен-Викторский, однако разум сам по себе в этой сфере бессилён.